

ВЗЫСКУЮЩИЕ ГРАДА

ХРОНИКА ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ РУССКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ФИЛОСОФОВ В ПИСЬМАХ И ДНЕВНИКАХ

*К. М. Аггеева, С. А. Аскольдова, Л. Ю. Бердяевой,
Н. А. Бердяева, И. П. Брихничева, С. Н. Булгакова,
А. Г. Габричевского, А. К. Герцык, Е. К. Герцык,
С. И. Гессена, А. В. Ельчанинова, А. В. Карташева,
Л. М. Лопатина, Э. К. Метнера, П. Н. Милюкова,
А. Р. Минцловой, М. К. Морозовой, М. М. Морозова,
М. А. Новоселова, Е. Ю. Рапп, Г. А. Рачинского,
В. В. Розанова, С. М. Соловьева, Е. Н. Трубецкого,
П. А. Флоренского, В. Ф. Эрн, Б. В. Яковенко и др.*

СОСТАВЛЕНИЕ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА,
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИИ
В. И. КЕЙДАНА

Школа
«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Москва 1997

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 96-03-16135

В 11

Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках *С. А. Аскольдова, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Е. Н. Трубецкого, В. Ф. Эрн и др.* — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 752 с., 21 илл. (вклейки в конце книги и после страницы 160).

ISBN 5-7859-0046-7

«Душа интеллигенции — ключ к грядущим судьбам русской государственности и обществу» — это высказывание С. Н. Булгакова заставляет пристальнее взглянуть в религиозно-философские и политические течения, возникшие в начале XX века в попытке осуществить мечту Вл. Соловьева о наступлении в России эпохи «христианской политики». Во вступительной статье и публикуемых текстах прослеживаются идейные и личные отношения идеологов «христианской общности» и «нового религиозного сознания», стремившихся мирным путем обновить общественный строй России на основе реформированного православия, софиологии или внецерковного христианства; мы видим личностную подоплеку конфликта «путейцев» и «мусагетовцев», двух перспективных религиозно-философских течений, которым так и не суждено было осуществить синтез «неославянофильства» и «западничества» из-за постигшей страну социальной катастрофы. Авторы публикуемых в книге частных писем и фрагментов дневников — звезды первой величины русского религиозного возрождения и христианского либерализма. Их духовные поиски, откровения, пророчества и утопии, преломляясь в любовных драмах и семейных коллизиях, создают полифоническую хронику роковых событий русской истории первой четверти XX века.

Из 650 документов, охватывающих период с 1900 по 1923 г., более 500 вводится в научный оборот и комментируется впервые. В Приложении публикуются политические программы и воззвания христианских социалистов, хроника заседаний и состав участников религиозно-философских обществ, малоизвестные фотографии из семейных архивов.

Книга предназначена для всех, кто интересуется культурой Серебряного века и судьбами его героев.

ББК 87.3(2)6

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavie@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства Школа «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0046-7

9 785785 900462 >

- © В. И. Кейдан. Вступительная статья, публикация документов и комментариев, 1997
- © А. Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика. Культура», 1995
- © В. П. Коршунов. Оформление серии, 1995

...не имеем здесь постоянного града,
но ищем будущего.

(Евр. 13, 14)

НА ПУТЯХ К ГРАДУ ЗЕМНОМУ

Ах, если бы им мог попасться
Путь, что на карты не попал.
Но быстро таяли запасы
Отмеченных на карте шпал.

Борис Пастернак

У истоков христианской политики

Владимир Сергеевич Соловьев, закончивший свой жизненный путь в последний год XIX столетия, оставил в наследие веку грядущему ряд идей, среди которых наиболее привлекательным для части русской интеллигенции оказался призыв к созданию религиозно-политического движения, имеющего целью обновление духовной, культурной и общественной жизни России на принципах *христианской политики*¹. Его младшие современники и последователи сформулировали стоящие перед ними задачи в следующей программе:

христианизировать и воцерковить этический идеализм русской интеллигенции, чтобы затем ее усилиями духовно преобразовать все общество;

гарантируя свободу совести, радикально реформировать внутреннюю жизнь Русской Православной Церкви, отделив ее от государства;

посредством экономических и политических реформ социализировать промышленные предприятия;

безвозмездно передать землю крестьянам на основе семейного и артельного землевладения;

вести активную просветительскую деятельность в крестьянской и рабочей среде.

Реализовав эти предварительные этапы, они надеялись осуществить идеал «полной правды в жизни верующих и тем самым при содействии Духа Святого положить начало концу господства зла и смерти»².

Как отмечал Г. Федотов, движение русского религиозного возрождения зародилось и протекало в противостоянии церковно-государственному консерватизму и традициям «интеллигентского староверия»³, которое в тот период проявлялось в повальной заворуженности марксизмом.

Американский историк Дж. Патнэм выделяет в русском религиозном возрождении три формы оппозиции марксизму:

поиски *нового религиозного сознания* в кружке Д. Мережковского и З. Гиппиус;

христианский социализм С. Булгакова, укорененный как в русском религиозном опыте, так и в современной ему политической философии и социологии;

этический либерализм правоведа П. Новгородцева, чья личная религиозная установка оказывала косвенное влияние на политическую философию, формулируемую им в секулярных понятиях⁴.

Через год после кончины В. Соловьева в 1901 г. в Петербурге организуются «Религиозно-философские собрания» по инициативе Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, В. В. Розанова, А. В. Карташева, В. А. Тернавцева и других сотрудников редакции журнала «Новый путь». На этих собраниях впервые произошла встреча представителей православного духовенства и интеллигенции, пытавшейся в своих духовно-общественных поисках обрести опору в Православной Церкви. Собрания проходили под председательством ректора Санкт-Петербургской Духовной Академии епископа Ямбургского Сергия (Страгородского), при участии профессоров богословия и приходских священников. Здесь впервые были поставлены и обсуждены проблемы, ставшие основными для русской религиозной философии:

свобода и необходимость; авторитаризм — индивидуализм — соборность; религиозное осмысление и оправдание культуры; социальная правда и социальный вопрос; революция как религиозная проблема; проблема христианского государства; православие и жизнь.

Здесь же впервые было открыто констатировано то, что впоследствии станет общим местом в суждениях русского интеллигента о православии:

— полное поглощение Церкви государством, превратившим ее в один из бюрократических институтов самодержавной власти;

— крайняя регламентация прав духовенства и его сословная замкнутость и приниженность;

— отсутствие самостоятельной церковной социальной концепции.

Хотя через год по распоряжению обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева «Религиозно-философские собрания» были прекращены, их деятельность нашла отклик в Церкви, обществе и государственных структурах, положив основание интенсивному церковно-общественному движению, завершившемуся в 1917 г. Всероссийским поместным собором. Протоколы собраний и стенограммы выступлений были опубликованы на страницах «Нового пути». Таким образом, творческая инициатива принадлежала религиозной интеллигенции как частице церковного народа, стремившейся восполнить отсутствие «пророческого» служения церковной иерархии⁵.

У истоков этого движения стояли представители нового поколения общественных деятелей, в числе которых был С. Н. Булгаков, уже обозначивший свой прорыв к новому мировоззрению изданием сборника своих статей «От марксизма к идеализму»⁶. По тому же пути шли Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, П. Б. Струве, также отошедшие к тому времени от марксистских теорий, и их более молодые современники: В. П. Свенцицкий, В. Ф. Эрн, А. В. Ельчанинов, А. С. Глинка (Волжский), С. А. Алексеев (Аскольдов), А. В. Карташев, В. А. Тернавцев, священники Григорий Петров, Константин Аггеев, Иона Брихничев, Михаил Семенов.

Первым совместным выступлением «идеалистов-общественников» был сборник статей «Проблемы идеализма» (1902), вышедший под редакцией П. И. Новгородцева, с кратким предисловием Л. М. Лопатина, написанным от имени Московского психологического общества, издавшего сборник. В сборнике выступили двенадцать авторов: С. А. Аскольдов, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Д. Е. Жуковский, Б. А. Кистяковский, А. С. Лаппо-Данилевский, П. И. Новгородцев, С. Ф. Ольденбург, П. Б. Струве, Е. Н. Трубецкой, С. Н. Трубецкой, С. Л. Франк. Общие задачи участников сборника были сформулированы в *Предисловии* П. И. Новгородцева.

В качестве мировоззренческой базы господствовавшему в то время позитивизму противопоставлялся идеализм. Данные естественных наук, как источник познания, признавались лишь одной из сфер многообразных поисков и задач человеческого духа. Особое значение придавалось моральной проблематике, на место этического релятивизма выдвигалась задача поисков абсолютных принципов морали, в продолжение традиций Вл. Соловьева и Б. Н. Чичерина. Впервые идеализм как вечная основа человеческого духа выдвигался в связи с насущными вопросами общественной и культурной жизни. Новые формы жизни становились, таким образом, «уже не простым требованием целесообразности, а категорическим велением нравственности, которая ставит во главу угла безусловное значение личности». Наметив задачи, стоявшие перед новым философским движением, участники признавали, что «дальнейшее разъяснение их еще потребует сложной и усиленной работы». Эта работа продолжалась в трудах русских религиозных мыслителей и в деятельности новых общественных движений, разбуженных их призывом.

Было бы упрощением назвать эти движения русским вариантом христианского социализма, к тому времени уже занявшего свое место в европейском политическом спектре. В отличие от современных им западных христианских политиков, отстаивавших в первую очередь интересы духовного сословия, проповедовавших либеральный консерватизм или умеренный прогрессизм, представители российской «христианской общественности» не ставили во главу угла построения «Царства всеобщего благоденствия» путем политического и экономического переустройства общества. Их программа основывалась на «эсхатологическом анархизме», то есть на неприятии любой формы

государственной власти в преддверии «окончательного, апокалиптического периода всемирной истории»⁷. Они отрицали любое неравенство, основанное на собственности, социальном происхождении, внешнем авторитете и традиции. Ядром предлагаемой ими модели переустройства общества выступает «община верных», в которой осуществлен «идеал безвластия»⁸. Она должна быть устроена по подобию первохристианской общины, описанной в Деяниях Святых Апостолов, где сказано: «Все же верующие были вместе и имели все общее И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого» (2, 44—45).

От «Нового пути» к «Вопросам жизни»

В 1904 г. в редакции «Нового пути» объединились представители двух направлений религиозно-философской публицистики. С одной стороны — члены прежней редакции, искатели «нового религиозного сознания»: Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Д. В. Filosoфов, Г. И. Чулков, А. В. Карташев, с другой — сторонники «христианской общественности», ушедшие от марксизма: С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, С. А. Аскольдов, А. С. Глинка (Волжский). Это объединение и положило начало тому явлению, которое впоследствии будет названо «Русским религиозно-философским возрождением». С 1905 г. редакция в обновленном составе начинает выпускать журнал «Вопросы жизни», издателями которого становятся по очереди Д. Е. Жуковский и Н. О. Лосский⁹. Впоследствии автор, далекий от объективности в оценке политических противников, признает, что деятели русского религиозно-философского возрождения выступали не просто как авторы книг и статей, но «как настоящие идейные вожди целого общественного направления, давая целую энциклопедию по вопросам философии, религии, политики, публицистики, оценки всего освободительного движения и всей истории русской демократии»¹⁰.

На фоне нараставшей пропаганды левых партий, забастовок рабочих, крестьянских бунтов, еврейских погромов и террористических актов против государственных деятелей вызовом консервативных сил прозвучало опубликованное 16 января 1905 г., после расстрела манифестации 9 января, холодно-обличительное и казенное послание Синода «Ко всем чадам Православной Церкви», прошедшее цензуру К. Победоносцева. Даже правые газеты кричали от возмущения: «Где в это время был сонм духовных? Где были учителя наши в непогоду, приведшую к катастрофе 9 января?!»

На самом деле церковные иерархи вовсе не были холодными исполнителями воли стоявшего за их спиной государства. Сердца многих из них обливались кровью. Объясняя неучастие Церкви в бурных общественных событиях, первоприсутствующий член Синода, митрополит Петербургский Антоний (Вадковский) писал в «Новом времени» (под именем своего секретаря П. И. Тихомирова): «В сфере политических и социальных движений духовную власть никто не считает нужным посвящать. Поэтому пастьерского слова к

рабочим не могло и быть. Во всяком общественном движении надо быть вполне осведомленным, чтобы вовремя явиться, где нужно и сказать, что следует». Эти горькие слова намекали на старческую немощь царского режима, в своих объятиях удушающего энергию Церкви. Иерархи не были посвящены в планы готовящейся расправы. В итоге после разразившейся трагедии на Церковь была возложена часть ответственности. Трудно было сильнее опорочить Церковь в глазах народа. И тогда часть петербургских священников («группа 32-х») обратилась к Синоду и епископату с призывом осудить кровопролитие и стать на сторону жертв трагедии. Впоследствии эта группа оформилась в «Братство ревнителей церковного обновления» (позже «Союз церковного обновления»), выступая с инициативой созыва Поместного собора, который по их мысли должен был демократизировать церковное управление, максимально удалив его от влияния государственных структур, выработать церковную социальную доктрину и модернизировать архаичный культ. По существу движение стремилось к церковным реформам в направлении протестантизма, заменяющим традиционную концепцию православной соборности личной ответственностью верующего перед Богом. Предпочтение отдавалось активизму, а не покорной пассивности, что должно было повлечь за собой изменение массового религиозного сознания русских.

После катастрофы «Кровавого воскресенья» из Петербургской Духовной Академии вышли и вскоре стали известны всей России священники Георгий Гапон, Константин Аггеев, архимандрит Михаил (Семенов), ректор — епископ Феофан (Быстров). В эти неистовые дни из Москвы в Петербург прибыли делегаты религиозно-философских кружков и движений, чтобы, встретившись со столичными деятелями религиозного возрождения, попытаться выработать общую программу действий. Среди них были молодые и энергичные В. Эрн и В. Свенцицкий, у которых 9 января «высекло искру решимости». Они призывали к борьбе за расторжение старорежимного союза Православной Церкви и самодержавной власти, за выведение церковных сил на поле общественной борьбы за новый строй.

А. В. Карташев оставил яркие воспоминания о собраниях, происходивших в редакции «Вопросов жизни», в которых принимали участие сотрудники и идейно близкие журналу люди¹¹. Особенно бурным и накаленным было январское собрание кружка «Вопросов жизни», где обсуждалось отношение Церкви к текущим революционным событиям. Присутствовали С. Н. Булгаков, С. А. Аскольдов (Алексеев), С. Л. Франк, А. В. Карташев. Московские гости Эрн и Свенцицкий предложили организовать большую демонстрацию-паныхиду по жертвам «Кровавого воскресенья». У Эрна сорвалась «рискованная фраза: "...в пику Синоду". Тут обычно молчаливый <...> Франк возвысил голос и запротестовал: "Я решительно возражаю против такой постановки вопроса. Я понимаю демонстрацию как акт внешний, боевой и до известной степени грубый; но молиться Богу "в пику кому-то", примешивать сюда мои интимные отношения к Богу — этого я ни понять, ни принять не могу"¹².

Эта реплика охладила разгоряченные головы православных революционеров. Предложение не было принято. Однако у москвичей созрел новый замысел: основать революционную организацию, члены которой, оставаясь преданными Православной Церкви, включаются в политическую борьбу с самодержавием на основе евангельского понимания достоинства человеческой личности. Многие политические публикации журнала имели антиправительственный характер: осуждали русско-японскую войну, протестовали против подавления забастовочного движения и жестоких разгонов рабочих демонстраций. В программной статье «“Вопросы жизни”¹³ и вопросы жизни» С. Булгаков наметил путь общественного служения в условиях разразившегося в России политического кризиса. Он предлагал всем, относящим себя к сторонникам общественного прогресса, следовать «идеал-реализму», т. е. уделять равное внимание как материальной и социальной, так и духовной сферам человеческого бытия, ибо «не хлебом единым живет человек», но «он не может жить без хлеба»¹⁴. Идеал-реализм предполагал реформы в четырех направлениях: достижение политической свободы личности, экономическое возрождение на основе социализации промышленности, культурное возрождение и церковное обновление. Группа общественных деятелей и публицистов, объединившихся вокруг журнала «Вопросы жизни», стала таким образом единственным русским общественно-политическим движением, провозгласившим неразрывность социальных, гражданских и церковных проблем, на фоне полного равнодушия или враждебности к религии всей «прогрессивной» публицистики. С. Булгаков напомнил заветы русской этико-философской мысли: «После Толстого, Достоевского, Соловьева непозволительно уже не понимать значения религии как силы социального прогресса»¹⁵.

Подводя итоги первого года существования журнала, его издатели заявляли, что «Вопросы жизни», «присоединяясь к общему освободительному и социальному движению», желают сохранить «независимое, непартийное положение», стремясь остаться «верными анархическому идеалу в его религиозном понимании»¹⁶.

В вопросах религиозной свободы и реформы Церкви журнал сражался «на два фронта, — направо с казенщиной религиозной жизни, с церковной полицией, налево — с казенщиной религиозной мысли...»¹⁷, с повальным религиозным индифферентизмом русского общества.

Тем временем внутри редакции назревал новый идейный конфликт. Столкнулись две тенденции: революционно-анархистская — Г. Чулкова и церковно-охранительная — С. Булгакова. В статье «Поэзия Владимира Соловьева» Г. Чулков с резко критических позиций подошел к теме судьбы исторического христианства¹⁸. Против подобного подхода среди прочих решительно выступил С. Булгаков, который «мистическому анархизму» Чулкова противопоставлял православную церковность¹⁹. Впоследствии конфликт усилился из-за резкого несходства литературных вкусов: Г. Чулкову с трудом удалось пре-

одолеть длительное сопротивление С. Булгакова публикации на страницах журнала романа Ф. Сологуба «Мелкий бес»²⁰.

К концу года выяснилось, что журнал к тому же экономически разорителен для его издателя Д. Е. Жуковского, и он отказался от его дальнейшего финансирования. По выражению Булгакова, в редакции «идет разложение и гниение» и если бы издание журнала продолжилось в 1906 г., он ни за что не согласился бы в нем участвовать. По общему согласию в декабре 1905 г. издание журнала было прекращено. По мнению Г. Чулкова, именно тогда обозначилось размежевание представителей двух тенденций христианской общечеловечности, которые сначала объединились в противостоянии позитивизму, материализму и атеизму революционно-демократической интеллигенции, но внутренне так и остались чуждыми друг другу. Г. Чулков вместе с Вяч. Ивановым, А. Блоком, Ф. Сологубом, пройдя через этап «мистического анархизма» и альманахов «Факелы», полностью погрузились в чисто литературную деятельность, а С. Булгаков, Н. Бердяев, С. Аскольдов, В. Эрн и их единомышленники двинулись дальше по пути религиозной публицистики и церковной политики.

Христианское братство борьбы

В феврале 1905 г. в Москве произошло немногочисленное собрание христианской интеллигенции обеих столиц, на котором было основано «Христианское братство борьбы» (ХББ). Возглавили эту революционную организацию христианский публицист Валентин Павлович Свенцицкий и только что окончивший историко-философский факультет Московского университета Владимир Францевич Эрн. Идеи этой радикальной христианской группы поддерживают их близкие друзья и соученики по 2-й тифлисской гимназии Павел Александрович Флоренский (в то время студент Духовной Академии) и Александр Викторович Ельчанинов.

Их общим духовным наставником был живший на покое в Донском монастыре епископ Антоний (Флоренсов). По воспоминаниям современников, в характере епископа Антония «всегда чувствовалась его постоянная готовность к бою, к решительному действию. У него был особый вкус и чутье к вопросам человеческой психофизиологии, расы, породы, крови, темперамента». В своей пастырской практике он исходил из евангельского понимания любви и свободы, сформулированного в максиме: «Христианская свобода и любовь — одно и то же. Свобода — в любви и любовь — в свободе. А основа всего — страх Божий»²¹.

Интересно, что первое сообщение об организации новой партии и краткое изложение ее программы было опубликовано (вероятнее всего, не по воле авторов, так как отсутствует указание на источник) в большевистском эмигрантском еженедельнике «Вперед»²².

В историческом введении к программе ХББ В. Свенцицкий так пишет о его целях, обстоятельствах возникновения и первых политических акциях:

«Христианское братство борьбы» имеет целью активное проведение в жизнь начал вселенского христианства. Эти начала, введенные вселенским историческим христианством в сферу индивидуальной жизни, до сих пор не были сознательно положены в основу общественных отношений. В общественных отношениях до сих пор осталась нераскрытой «правда о земле», лежащая в самой сущности христианского учения. Раскрыть эту правду и действительно осуществлять вселенскую правду Богочеловечества во всемирно-историческом процессе и есть общая задача «Братства».

Своеобразие и исключительность настоящего исторического момента сами собою определяют ближайшие, частные задачи «Братства», необходимо вытекающие из общей, основной. Эти задачи суть:

Борьба с самым безбожным проявлением светской власти — с самодержавием, кощунственно прикрывающимся авторитетом Церкви, терзающим народное тело и сковывающим все добрые силы общества.

Борьба с пассивным состоянием Церкви в отношении государственной власти, в результате чего Церковь идет на служение самым низменным целям и явно кесарю предает Божье.

Утверждение в социально-экономических отношениях принципа христианской любви, содействующего переходу от индивидуально-правовой собственности к общественно-трудовой. «Братство» призывает к совместной Господней работе всех верующих во Христа без различия исповеданий и национальностей ввиду того, что борьба с безбожной светской властью имеет смысл не только национальный, но и вселенский»²³.

Члены Братства сочли первоочередной задачей опровержение синодского послания, в котором забастовщики и участники манифестации 9-го января приравнивались к изменникам и пособникам японцев. Город был разделен на десять участков. Ночью члены Братства развесили свое воззвание с большим черным крестом вверх листа:

«Синод обратился к вам с воззванием не заводить в государстве смуты, не быть заодно с внутренними врагами и тем не служить японцам. Не таких слов ждали все истинно-православные люди в настоящее тяжелое время. Кому неизвестно, какие грабительства и притеснения творят царские слуги. Они и ослабили Русскую землю, потому что измучили народ. А когда Петербургские рабочие с пением «Отче наш» пошли умолять царя выслушать об их нуждах, в них стали стрелять солдаты и убили 2000 человек и ранили более 5000 своих братьев-христиан. И после этого Синод, забыв истинную Апостольскую Церковь, увещевает вас, а не тех, кто довел вас до крайности, кто губит Русскую землю и зверски убивает наших братьев. В такие минуты все ждали, что Церковь возвысит свой голос против обезумевшей власти, забывшей, что Царь всех царей — Господь и что царская власть ниже воли Господней подобно тому, как митрополит Филипп обличал царя Ивана Грозного, измучившего народ опричниной...»²⁴

Перед Братством с первых же шагов вставали две сложные задачи: дать религиозно-философское обоснование «христианской общественности» от теории перейти к практике, воздействуя на духовенство, интеллигенцию и народ. Эти задачи казались неразрешимыми из-за недостатка активных сторонников Братства, денежных средств и отсутствия собственной типографии. Однако, несмотря на это, В. Эрн и В. Свенцицкий приступили к поиску бого-

словских начал своей деятельности, которые вскоре формулировали следующим образом:

«Христос — Богочеловек. Он стал человеком и принял плоть. Искушая ее Своей Пречистой Кровью, Он не отделился от нее, а остался в ней и с ней, потому что связан с ней “нераздельно и неслиянно”, потому что пришел не упразднить, а освятить ее. Преобразовавши ее на Фаворе и освободивши ее от рабства смерти Своим Воскресением, Он положил начало “обожению плоти”, которое закончится “новой землей, на которой обитает правда” (2 Петр. 3, 13). Этим Он дал вечный образ поведения и указал путь, по которому должен идти каждый христианин. Каждый человек для того, чтобы становилось возможным Царство Божие внутри него, должен победить в себе похоть плоти и облечь тело свое во Христа, приуготовляя его к славе и нетлению. Но согласно Евангелию, человек не есть самодовлеющий, не связанный с другими атом. Он лишь один из бесчисленных членов великого и единого целого — Тела Церкви. Церковь Христова — объективное Царство Божие, осуществляясь и водворяясь в душе всего человечества, должна победить похоть плоти уже не отдельного лица, а всего человечества, и облечь тело — уже не тело отдельного лица, а тело всего человечества — во Христа и сделать его Невестой Христовой. Эта плоть и тело являются результатом взаимодействия тела и плоти отдельных лиц, основанного на потребностях тела и плоти, а это и есть, прежде всего, отношения экономические, общественные и государственные. Значит, человечество, становящееся Церковью, для осуществления в себе Царства Божия, должно бороться со своей похотью и побеждать свою плоть, то есть животворить и проникать Духом Христовым отношения экономические, общественные и политические. Да изобразится и в них Христос и да будет Бог во всем.

Таким образом, из действительной веры во Христа, вочеловечившегося и пришедшего во плоти, неизбежно вытекает обязанность каждого христианина принимать самое деятельное участие в общественной и политической жизни страны. В той самой области жизни, от которой с безгливостью и ужасом отворачивалось историческое христианство, необходимо действенно и самоотверженно осуществлять вселенскую правду Богочеловечества, отдавая, если потребуется, жизнь “за други своя”.

Обращение, озаглавленное «О задачах Христианского Братства Борьбы», было разослано почти всем епископам Русской Церкви и многим представителям духовенства в Москве, Петербурге, Киеве, Владимире и других городах.

Этот документ представляет собой первую попытку сформулировать социально-экономическую доктрину, исходя из догматики православия. Русские интеллигенты, почувствовавшие общественный кризис и равнодушие церковной иерархии к земным человеческим проблемам, решились расколоть длившуюся полтора тысячелетия «симфонию богоизбранных супругов» — самодержавного Государства и Православной Церкви. Одновременно был заложен первый камень в основание того радикального учения, которое через десятилетия разовьется в недрах католицизма под именем «теологии освобождения» и «теологии революции». В обличении капиталистического общества, в постановке революционных целей, в признании и оправдании насильственного изменения общественного строя и в призыве к самопожертвованию, а главное — в утопизме этих целей просматриваются и блоки марксистской теории, и эсхатологический пафос европейской Реформации. Вслед за вдохно-

вителями и сторонниками Реформации ХББ обретает свой идеал общественного устройства не в будущем, а в прошлом, в «первохристианском коммунизме» катакомбной Церкви. Звучат в Программе ХББ (см. *Приложение 1*) и отголоски крестьянских хилиастических чаяний о жизни по «Правде Божией» в утопическом «Беловодском царстве», где будут обитать крестьяне-праведники.

Члены ХББ отпечатали 4000 экземпляров «Обращения к войскам», призывавшем солдат не исполнять приказов офицеров, если те прикажут им стрелять в восставших рабочих и крестьян. Вот фрагмент этой христианской проповеди:

«Братья христиане! Страшный грех на вашей душе. По приказанию безбожной власти умиряете вы “бунтовщиков”, убиваете и мучаете их. Самое ужасное то, что, убивая своих братьев-христиан, вы не приносите покаяния, думаете, что поступаете хорошо. Это не наше дело, — говорите вы, — начальство велит, оно и ответит перед Богом, а мы обязаны слушаться. Не так говорили апостолы и святые мученики христианские, когда начальство заставляло их отрекаться от Христа и поклоняться идолам. Не говорили они тогда: поклонимся, отречемся, — а там пусть начальство отвечает. <...> Разве так уж виноваты голодные крестьяне, когда отбирают хлеб у помещиков, проживающих в городе десятки тысяч рублей в год; или рабочие, не знающие отдыха <...>, когда они просят прибавки жалованья и сокращения рабочего времени?! <...> А если они и виноваты, то разве есть такая вина, за которую можно убивать людей? <...> Кто выше, Бог или царь со своими слугами? Один у нас Господь — Царь Иисус Христос.

<...> Если завтра на землю придет Иисус Христос, как обещал Он в Евангелии, и будет проповедовать и учить, а начальству это не понравится, и оно прикажет стрелять в Него. Кого вы послушаетесь? Но ведь Христос, по слову Его, приходит ежедневно в образе голодного, гонимого, бедного человека <...>»²⁵.

В «Обращении к крестьянам», также распространенном в нескольких тысячах экземпляров, утверждалось, что русский народ переживает все ужасы за грехи свои. Но недостаточно сказать: «грешен», — надо покаяться в трех главнейших (по мнению ХББ) грехах: в любви к кесарю (государству), превысившей любовь к Богу, в поглощении церкви государством и в войне на Дальнем Востоке. Считая необходимым ознакомить со своей программой образованные слои общества, Эрн и Свенцицкий составили «Обращение к обществу» и разбросали его по почтовым ящикам в больших городах.

Желая привлечь на свою сторону рабочих, летом 1905 г. ХББ направило своих пропагандистов, Евгения Лундберга и Ивана Беневского, в Иваново-Вознесенск, где происходила грандиозная стачка. Перед ними была поставлена непростая задача — увлечь бастующих идеей борьбы за «Правду Христову», противопоставив ее борьбе за экономические цели, служащие лишь «эгоистическому желанию обогащения и благополучия». Вместо стачки за «хлеб насущный» они призывали восстать против тех, кто «оскверняет мир — этот храм Господень — делая его домом торговли и вертепом разбойников, где безбожные сытые бездельники крадут труд бесправных, голодных и нищих рабочих». При этом ХББ вслед за партиями социалистической направленности выдвинуло и экономическую программу-минимум. Выступления в рабо-

чей среде агитаторов ХББ никак не повлияли на ход стачки и не привлекли в его ряды новых членов. Пролетарии не отозвались на протестантский пафос программы «Братства». Немногочисленные слушатели христианско-социалистических ораторов, полагая, что перед ними сектантские проповедники, вскоре теряли к ним интерес и расходились. Так же безуспешно закончилась миссия ХББ в крестьянской среде, где им в лучшем случае подавали несколько медных грошей, принимая за странников. Лишь во внецерковных религиозных группах, сочувствующих движению за политическое освобождение, идеи «социального христианства» и «христианской политики» вызвали осторожное сочувствие.

Пожалуй, наибольший отклик идеи Братства нашли в той части разночинной интеллигенции, которая также воспринимала нарастающее революционное движение как прелюдию религиозного возрождения апокалиптического масштаба. Впрочем, уже в 1906 г. В. Свенцицкий признавал, что идеология ХББ выродилась в либерально-христианскую публицистику, «фельетонное христианство», и привела лишь к умножению числа «либеральных батюшек»²⁶, а не к появлению мучеников, пророков и апостолов Церкви Будущего. «“Союз христианского обновления”, — писал Свенцицкий, — вовсе не первый луч Жены, Облеченной в Солнце (Откр. 12, 1), а лишь один из многочисленных профессиональных союзов внутри общей массы синдикалистского движения»²⁷.

Современники называли новое общественное движение «христианским социализмом», однако вряд ли это название, взятое из западноевропейской политической жизни, адекватно отражало хилястический пафос основателей Братства. В центре их внимания стоял Христос и Его Церковь, через которую, обновив и освободив ее от плена государства, они надеялись войти в царство любви и социальной гармонии. Достижение традиционных политических свобод также не отвергалось, но при этом им отводилась лишь роль средств для осуществления идеи «христианской общественности», восходящей к концепции Богочеловечества как залогом эсхатологического освобождения в Царстве Христовом.

Не получив поддержки в обществе, ХББ тем не менее оказало влияние на религиозно-нравственное сознание части православного духовенства, вызвало у отдельных священнослужителей желание искупить тяжелый многовековой грех социальной пассивности и «этатизма». К их числу в первую очередь относятся архимандрит Михаил (Семенов), священники Иона Брихничев, Константин Аггеев и другие участники «Союза церковного обновления». Их голоса, живые и искренние проявления христианской совести, прозвучали в затхлои атмосфере казенно-умеренной безжизненной «религиозности», не защитившей общество от террористического разгула революционного экстремизма. Искренняя вера христианских революционеров в возможность переустройства общества на евангельских основах искупала наивный утопизм их политико-экономических построений.

«Исход русского социализма — Церковь. <...> Мы верим в возрождение Церкви, мы его страстно желаем и жаждем и к нему-то и ведет ход русских событий. Душа начатой с хоругвями, под пение «Отче наш» революции русской — в грядущем возрождении Церкви. Это возрождение вберет в себя всю правду освободительного движения, примет всю многовековую культуру всего человечества, в жизни <...> осуществит больше, чем даже намечается в самых смелых мечтах социализма, и явит миру лик истинной и полной Христовой Правды»²⁸.

Христианско-общественное движение объявило «непримиримую войну» черносотенству и шовинизму. Поддерживая прогрессивно-демократические партии, оно будет бороться с теми философско-религиозными атеистическими идеями, с которыми обычно связывается проповедь этих партий»²⁹.

В кругах радикально настроенной интеллигенции идеи «Христианского братства борьбы» и булгаковского неосуществленного «Союза христианской политики» были восприняты враждебно: Церковь, поддерживавшая ненавистное им самодержавие, была для них оплотом консерватизма и реакции. Так, например, марксистская газета «Новости» в ряде статей призывала радикалов встать в оппозицию к предполагаемым церковным реформам, ибо всякий «свободомыслящий» желал бы видеть Церковь подчиненной государству, а не свободной и, следовательно — активной и влиятельной.

В 1905 г. С. Булгаков при участии А. Глинки (Волжского), В. Эрн, В. Свенцицкого, В. Зеньковского и издателя В. Лашнюкова основал в Киеве независимую религиозно-общественную газету «Народ», просуществовавшую всего две недели. В программе «Народа» утверждалось, что это «орган не только местный, киевский, но прежде всего всероссийский»³⁰. Из перечня сотрудников видно, что газета была попыткой продолжения «Вопросов жизни», но с более ярко выраженной общественной направленностью. В церковной области газета выступала за реформу института иерархического управления и свободу совести, в области политической выдвигала конституционно-демократическую программу, выступая за широкое народное представительство, поддерживала только что возникшее профсоюзное движение.

В следующем 1906 г. С. Булгаков, В. Свенцицкий и В. Эрн делают очередную попытку издания собственного религиозно-общественного журнала «Свобода и религия». В нем предполагалось сотрудничество как представителей «левых» кругов освободительного движения, так и церковных деятелей, настроенных оппозиционно Синоду: священников Г. Петрова и К. Аггеева, архимандрита Михаила (Семенова), А. В. Карташева. И на этот раз проект терпит неудачу из-за недостатка средств. Однако энергичным «христианским социалистам» в том же году удается начать издание «Религиозно-общественной библиотеки», состоявшей из трех серий популярных брошюр: для интеллигенции, для народа и переводы работ иностранных авторов по вопросам взаимоотношений Церкви и общества. Кроме этого, в течение двух последующих лет вышли в свет два религиозно-общественных сборника «Вопросы ре-